

Божественное недоразумение

(Опыт психологического моделирования происхождения Сатаны)

*Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле.
Что-то я делал не так; извините:
Жил я впервые на этой земле.
Я ее только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь...
И по-другому прожить обещаю.
Если вернусь...
Но ведь я не вернусь.*

Роберт Рождественский

В 1971 году американский психолог Филипп Зимбардо провел знаменитый «Стэнфордский тюремный эксперимент», который продемонстрировал силу деформирующего влияния жесткой социальной ситуации на личность и поведение обычных людей. Позднее на базе этого и подобных экспериментов Зимбардо стал выступать с циклом лекций о психологии зла - каким образом «хорошие люди превращаются в злых», рассказывая о психологических механизмах возникновения агрессии и жестокости, о покорности и потере идентичности под давлением унижающих человека требований социума и др. Примечательно, что своим лекциям Зимбардо предпослал заголовок - «Эффект Люцифера», тем самым обозначив основной источник зла в мире и значимость понимания этого образа в психологических исследованиях агрессивности.

Якоб Бёме в гл.IV своей «Авроры» пишет: «Ученые и все почти писатели приложили много забот, исследований, измышлений и изысканий в природе и высказывали также много различных мнений о том, когда и как или из чего сотворены святые ангелы; а также и о том, чем было ужасное падение великого князя Люцифера или каким образом стал он таким злым и яростным дьяволом, откуда берет начало подобный злой источник или что его к тому побудило?». Далее автор отмечает: «Ученые произвели много различных диковин о начале

греха и происхождении дьявола и дрались из-за них между собою; каждый думал, что он владеет истиною, а между тем она оставалась равно сокрытой от них всех до сего дня» (2; 51, 171)*. Со времени этих констатаций немецкого мистика начала 17-ого мало что изменилось.

Современные итальянские библеисты Э.Гальбиати и А.Пьяцца считают, что если признать природу сатаны изначально греховной, то проблема происхождения зла перестает выступать в качестве метафизического затруднения, «сужаясь до размеров тайны *психологического* порядка: каким образом свободное существо, пусть даже подвластное греху, становится грешником фактически, содействуя сознательно собственной гибели? Другими словами, это тайна греха, которая, впрочем, вполне поддается разгадке, если принять во внимание саму природу свободной воли человека и в особенности сатаны» (7; 107-108)**. Но если объяснение природы греха оставляет за скобками собственно причину отпадения Люцифера, постулируя его изначально испорченность, то такое объяснение остается заведомо неполным. По-видимому, попытки выявить причину зла, продвигаясь от его конкретных проявлений к их источнику, идя, так сказать снизу – это путь тупиковый. Возможно, на больший успех можно рассчитывать, если удастся представить состояние Создателя преисполненного творческих сил и рассматривая хотя бы в масштабе человеческих переживаний.

В перечне множества свойств того, кто, будучи недоступен познанию, Сам себя именующий «Аз есмь Сущий», особо выделяется имя **Творец** - *всего видимого и невидимого*. Николай Кузанский в сочинении «Об ученом незнании» пишет, что любые частные имена могут подходить Богу лишь с бесконечным умалением и никакие вообще утверждения, не могут Ему подходить. Отсюда, считает он, если утвердительные имена и подходят Всевышнему, то лишь в аспекте творений (12; 88). Поэтому кажется естественным, что психолог занимающийся проблемами психологии творчества может поставить вопрос о

* Подобным же образом задолго, почти за полторы тысячи лет до Я. Бёме, высказался в трактате «О свободе воли» один из Отцов Церкви 3-ого века Мефодий Патарский: «Многие способные люди прежде нас с тобою весьма ревностно занимались этим предметом; и одни из них пришли к таким же мыслям, как и ты; другие признали виновником зла Бога, боясь допустить совечное Ему вещество; а те, из боязни – признать Бога Творцом зла, решились допустить совечное ему вещество. Но случилось, что и те и другие говорили не хорошо, так как боялись Бога несогласно с истинным знанием. Иные же в самом начале отказались от исследования об этом предмете, так как подробное исследование будто бы не имеет конца» (16).

** Некоторые богословы православного вероисповедания также считали, что те «мимоходные библейские указания, которое относятся к этому миру, все-таки дают нам совершенно достаточные основания для того, чтобы судить об условиях существования бесплотных духов и на основании этих условий осветить, по крайней мере, *психологическую* историю первого преступления» (17, 220)

пределе творческих возможностей, причем, не только относительно человека, но любого разумного существа*. В крайнем варианте это означает задаться вопросом: **в чем могло бы выразиться предельное/максимальное выражение творческих возможностей Бога?** Если кто-либо, атрибутом которого является бесконечная творческая сила, и который абсолютно свободен в своих действиях как **сделать** что-то, так и **не сделать**, то его свобода будет постоянно побуждать *делать или не делать*. Это динамическое неравновесие ничем не ограниченной свободы как некоей неопределенности и готовности к воплощению той или иной возможности (*«и Дух Божий носился над водою»* (Быт.1,2), разрешается осуществлением его творческой сущности в пользу *делать* (*«И сказал Бог: да будет ...»* (Быт.1,3), т.е. свобода оборачивается творчеством, в котором раскрывается смысл свободы.

Каким бы противоречивым или даже абсурдным ни казался вопрос о максимальном выражении творческой силы применительно Высшему Существо как к Абсолюту, относительно которого подчеркивается несоизмеримость Творца и твари – Всемогущему, Вездесущему и Всеведущему, таинственному и непостижимому, состоящему из неисчислимо многих атрибутов, обладающему безграничными возможностями и совершенством, который «единственен и нет нигде единственности, подобной Его», который «бестелесен, и к Нему не относятся свойства материи, и нет у Него никакого образа»... – тем не менее, этот вопрос кажется правомерным, поскольку не содержит в себе каких либо ограничений, не задает никаких предварительных условий. Пытаясь ответить на него, представляется, что поскольку Высшей силе присуще творчество, оно когда-то с неизбежностью начнет творить в максимальную силу, и результатом этого станет **создание собственного подобия**.

Согласно Никейскому символу веры, созвучного определениям в других, нехристианских религиях, Бог понимается как Творческая Сила - первопричина и источник всего сущего – *«Отец Вседержитель, Творец неба и земли, всего видимого и невидимого»*. В библейском описании Бог проявляет творческую силу эманацией Своей избыточной полноты и осуществляет это последовательно и с нарастанием, останавливаясь на создании *«человека из праха земного»*. Вместе с тем, псалмопевец, отмечая, что Господь, создал Адама из «праха», восторгается: *«Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его»*. (Пс. 8:6-7).

*Разумеется, в размышлениях о сакральном, следует соблюдать подобающую деликатность и благоразумие, отдавая себе отчет в том, что не можешь рассчитывать на нечто большее, что выходит за пределы даже самого изощренного человеческого ума.

Совершенно очевидно, что человек, созданный *по образу и подобию Божию*, далеко не всегда соответствовал своему назначению и творческим замыслам Всевышнего о человеке. В той или иной форме об этом многократно говорится в Библии – «и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем» (Быт. 6, 6). Как отмечают практически все богословы: *образ Божий* в человеке составляет неотъемлемое и неизгладимое свойство его природы, *богоподобие* же есть дело свободных личных усилий человека, которое может достигать довольно высоких степеней своего развития в человеке, но может иногда и отсутствовать совершенно (15; 26).

Существуют различные мнения, относительно времени сотворения ангелов, поскольку напрямую об их создании в Библии не говорится. Тем не менее, в ней содержатся намеки, что к моменту сотворения земли ангелы уже существовали – упоминается об их радости и ликовании, когда Господь «полагал основания земли»; также в Священном Писании совершенно определенно говорится о сокрушении *нечестивых* ангелов и отнятии у них света (Иов. 38: 7, 15, Иез. 28: 12-18, Ис. 14: 12-15) и др. Таким образом, акты Божественного творения (несмотря на то, что его ранние этапы оказались омрачены отпадением Люцифера) продолжались после сотворения невидимого мира ангелов, и происходили как бы «параллельно» их существованию – в человеческом измерении. А тот, кто был сотворен ранее - как *печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты, и совершен был в путях своих со дня его сотворения, доколе не нашлось в нем беззакония* - уже поджидал в Эдеме новых Божьих созданий.

В священных текстах в разных вариациях постоянно упоминается, что не нуждающийся ни в чем Создатель, тем не менее, пожелал иметь себе помощников, что интенционально перекликается с библейским «Не хорошо быть человеку одному. Сотворим ему помощника по нему». В разнообразной по своим исходным установкам богословской литературе неизменно проводится мысль, что Бог абсолютный в своем совершенстве и ни в чем не испытывающий недостатка - *в Себя Самого изливающийся и Сам по себе стоящий, будучи некоей единой Силой, самодвижущейся и неоскудевающей в Себе, но являющийся ведением всех ведений* (8; 551-563) - по тайному Промыслу Своему и избытка Божественной щедрости создает Небесную Иерархию, а затем и все иное бытие. Почему ни в чем не нуждающийся Бог создал мир, которого мог бы и не создавать, т.к. все существует в абсолютном Знании Всеведущего Бога – этот и связанные с ними вопросы, постоянно волновали богословов. Также в качестве постоянной темы размышлений фигурирует вопрос: в чем проявляется сущность Бога и его замысел о мире. В иудаизме это выражено в формуле

«Тора является отражением сущности Творения»; в исламе – в формуле «Мир – Бог в Зеркале», в котором реализуется Богоявленность. В исламской теологии сформировалось также представление о возможности (и реальности) существования нетелесного Зеркала, и высказывалась мысль о причине Творения - «Бог в тоске [пожелал] увидеть Свою Священную Самосущность ...» (10).

Однако Бог не останавливается на создании тех или иных форм собственных отражений, но в Его творческом замысле возникает нечто столь величественное и достойное, с кем/чем мог бы вести диалог, более соответствующий Его Сущности. Историк религии М.Элиаде упоминает о болгарской легенде, по которой Бог шествовал в одиночестве, и тут Его взгляд упал на собственную тень. «Восстань, друг!», - воскликнул Бог, - и из тени возник Сатана*; в финском варианте Бог посмотрел на воду, увидел Свое отражение и у него спросил, как сотворить мир, и т.д. (25).

В различных эзотерических и гностических учениях, мифах и легендах содержатся многообразные вариации темы амбивалентности Высшей Силы - что Бог, и Дьявол несотворенны, существовали предвечно и произошли от неведомой первопричины, что происхождение Дьявола для самого Бога остается тайной, или что Бог и Дьявол состоят в кровном родстве, что Христос и Сатана являются братьями, причем первым от Бога был рожден Сатана, а вторым – Христос, или вариации о дружбе между Богом и Дьяволом, который стал бороться с Ним, но, в конце концов, тем самым творит Благо и во всем оказывается соратником Бога, и т.д. В богомильском апокрифе 12-ого века «Вопрошание Иоанна Богослова», утверждается, что до низвержения Сатаны его значение в мироздании уступало только Богу-Отцу (при том, что Христос соприсутствовал Отцу). Как пишет М.Элиаде, все подобного рода истории и притчи на разных уровнях и в разных контекстах воспроизводят типологическую легенду о том, что между Богом и Дьяволом существовала своего рода симпатия, о родстве Добра и Зла ... и касающейся проблемы целостности и тождества противоположностей (25).

Таким образом, наряду с доктринациями о совершенном и безупречном Создателе:

* В этой легенде можно усмотреть аллюзию к сказкам-притчам Г.Х.Андерсена и Е.Шварца «Тень», в которой *тень* Ученого пытается заменить его собою, спорит с ним, и даже, как говорит Андерсен, признается Хозяину: «Мне очень повезло с тех пор, как я расстался с вами». В изложении Е.Шварца Христиану-Теодору удается покорить восстание своей тени (Теодора-Христиана), сказав ей: «Тень, знай свое место!»; в эзотерической же реальности этого, очевидно, не произошло и образ тени стал мрачным *Князем тьмы - His Infernal Majesty*.

- «Он превыше того, чтобы иметь подобных Себе, равных Себе или сходных с Собой», «сходное с Его существованием, абсолютно невозможно»;
- «Тот, воле Которого подчинены абсолютно все творения, однако Сам Он не подчиняется ничьей воле и никто не в состоянии выйти из-под Его власти»;
- «Тот, у Кого нет равных, нет соперников, нет сотоварищей»;
- «Не нуждающийся ни в чём»

и т.д. - религиозная мысль постоянно пыталась как-то примирить их с наличием зла в созданном Всевышним мире, при твердом убеждении, что Бог никак не мог быть причиной его возникновения. Отсюда трудность проблемы теодицеи – согласование возможности справедливого управления миром Высшим Разумом, которого именуют - *Бог есть любовь* с наличием мирового зла. Более или менее удовлетворительный выход из этой коллизии, чтобы уйти от неизбежности логической последовательности, заставляющей признать, что Бог не мог быть автором всех вещей, не будучи также автором зла (26), стали видеть в объяснении, которое придавало злой силе служебно-инструментальную функцию – искушения злой силы испытывают человека на верность Богу, заставляют пробудиться от душевной самоудовлетворенности, напоминают о необходимости полагаться единственно на Божье милосердие и т.п. Идея о существовании конкурирующего с Богом существа в различных вариациях постоянно присутствовала в религиозной мысли, и создается впечатление, что множество версий о возникновении Сатаны существуют как ближние или дальние орбиты вокруг «эпицентра» творчества Всемогущего Создателя.

Решением совмещающим признание за Высшей Силой свойств Абсолюта и присутствие греха в созданном Господом мире, видится предположение, что **причиной возникновения Дьявола явилось создание Всеблагим и Всемогущим Господом собственного подобия в стремлении проявить Свою творческую силу в максимальной степени.** Будучи абсолютно свободным, Творец мог и не делать этого, но, *Его свобода свободно уступила приоритет Его творчеству.* Возможно, Творческая Сила должна была и не могла не проявить Себя максимально соразмерной Себе. Здесь нельзя не вспомнить, описание К.-Г.Юнгом степени настоятельности творческой потребности в целом, которую характеризует как силу, обладающую *тираническим могуществом*, совершенно не заботящейся о личной судьбе творца и ведущей «самостоятельную жизнь за пределами теократии сознания» (23).

Если случилось нечто подобное, то Небесная иерархия оказалась нарушенной - между Сущим и Его созданным подобием неизбежно возникает конкуренция и противоборство. Их совместное существование какое-то время могло проходить в форме сотрудничества, но рано

или поздно, появляется соперничество.*

Бог и сотворенное подобие, кажется, отличались между собой только одним *невидимым* свойством: Бог сам причина самого себя, в то время как в Его подобии источник существования коренится в Создателе. Люцифер это отличие увидеть не смог – меньшее не могло вместить большее, чем он сам, но всякое сознание, являясь частью всего/целого, в свою очередь считает все частью себя. Причем любое сознание мыслит себя завершенным и самодостаточным, потому что внутри себя не находит ни ограниченности, ни ущербности, и этом истоки возникновения многих конфликтов.

Платон в «Тимее» говорит: «Поскольку же образец являет собой вечно живое существо, он [Отец] положил в меру возможного и здесь добиться сходства, но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности» (19, 477). Средневековый философ И.Петрици, комментируя «Первоосновы теологии Прокла Диадоха, платоновского философа», отмечал, что если равны произведенное, и производящее, тогда возникшее будет равно произведшему. Но среди сущих это невозможно поскольку, если оно является «произведенным» и само в состоянии «произвести другое», равное себе, и так далее до конца, тогда нарушается и смешивается порядок сущего, что невозможно, «ведь всякое производящее превосходит произведенное. И тем более невозможно допустить ущербность производящего» (19:49). Но как показала дальнейшая история, *порядок сущего* все же нарушился, и потому иерархического давления Пресущего было не избежать.

Но могло ли такое сотворенное само отличить себя от своего Первообраза? Как пишет Я.Бёме: «Люцифер был сотворен по качеству, роду и красоте Бога Сына и был с ним связан в любви как любимый сын, или сердце, и сердце его также пребывало в средоточии света как если бы он, был сам Бог», «между Богом и Люцифером не было иного разделения, кроме такого, какое бывает между родителями и их детьми, они даже были гораздо ближе»

* Психологии известны проблемы, с которыми периодически сталкиваются близнецы, приводящие, с одной стороны: к сильному взаимному соперничеству, а с другой, к чрезмерной взаимной зависимости.

С другой стороны, *двоевластие* как одно из состояний «равенства-равновесия» - это лишь временное и более или менее неустойчивое, колеблющееся состояние, которое может приводить к беспокойству и боязни утраты своего положения, т.к. имеющееся соотношение может нарушиться в пользу другого. В условиях двоевластия усложняется согласованная оценка происходящего для каждой из сторон, затрудняется нахождение общезначимой последовательности действий. Построение устойчивой внутренней структуры на основе синкретизма становится маловероятным, возникает необходимость во взаимных уступках и компромиссах, и т.п. (21).

(2; 165, 208). Слову *Бог* в индоевропейских языках соответствует *devah* (в латышском языке – *dievs*; в русском - присутствует как «див», «диво» - «чудо», «вызывающее изумление»), и содержит основу в санскрите *dei, di*, имеющее первоначальное значение - «свет», «лучезарное сияние» (27, 216), чему соответствует слово *Люцифер* (*Lucifer* – лат.*lux (lucis)* свет + *ferre* носить) - «светоносный», и что совпадает с одним из имен Бога, а значит оба считались источником света (26). Уже в наше время Жозе Сарамаго в книге «Евангелие от Иисуса» неоднократно говорит: «Сын мой, запомни мои слова: все, что касается Бога, касается и Дьявола», «пусть все наконец увидят Бога с Дьяволом во плоти, пусть посмотрят, как они схожи и как отлично понимают друг друга» (20) и т.п.*

Когда перед Денницей предстал сам Создатель, у него возникла психическая aberrация – расплывчатость открывшейся картины мира. Нарушенное представление о себе вынуждало его к вживанию в иную субъективность, создавая диспропорцию между собой и окружающим миром. Как будто о нем сказал Ж.П.Сартр: «У человека в душе дыра размером с Бога, и каждый заполняет её как может». Кажется, что Люцифер запутался, растерялся и не захотел признать свою «ущербность», и его состояние и связанные с этим переживания могут вызвать даже нечто вроде сочувствия.

Традиция приписывает причину отпадения Люцифера его гордости-гордыне. Но гордыня Люцифера не могла появиться из ничего, или, как писал в своей книге «Биография Сатаны» К.Грейвс, «как мог возникнуть соблазн, когда еще не было «лукавого», чтобы соблазнить Люцифера?» (26, 118). С точки зрения православного богослова В.Несмелова: «нам кажется, мы имеем достаточно веские основания, чтобы определить, по крайней мере, психологически-вероятный процесс древней небесной катастрофы» - произойти это могло только по одной причине – Люциферу стало казаться, будто действительное основание божественного творчества в удовлетворении своего эгоизма, будто насущные интересы жизни свободно-разумных существ чужды Божиим намерениям, так что в Боге они будто бы имеют лишь безсердечного повелителя и потому в сущности оказываются лишь роковыми жертвами (17, 227-228).

Все же кажется, что идея богоборчества с большей вероятностью могла зародиться у

* М.Элиаде завершает свою работу об истории поисков *coincidentia oppositorum* («обретение целостности») словами: «Тот факт, что эти архаические мотивы и темы до сих пор живы в фольклоре и продолжают всплывать в снах и фантазиях, доказывает, что мистерия обретения целостности до сих пор остается неотъемлемой частью человеческой драмы. Она вновь и вновь оживает в самых различных проявлениях, на разных уровнях культурной жизни – в мистической философии и теологии, в мифологии и фольклоре, в снах и фантазиях наших современников, в созданиях художников» (24).

Люцифера как реакция на событие, принизившее его воображаемый статус. Кажется, что разочарование в своем «равенстве» ввергло его в смятение и так потрясло, что он, возможно, стал чувствовать себя как будто обманутым. «Послушай, Люцифер, - пишет Бёме, - кто же виноват, что ты стал дьяволом? ... ты сам: неточные духи в теле твоём, которое ты сам, породили тебе такого сыночка». Отец Церкви IV века Василий Великий, также говорит, что «не природа его противоположна добру», но «дьявол лукав, имея лукавство от произволения» (4; 156), но это означает, что первоначально у Люцифера не было богоборческого умысла, что лукавство (изворотливость, уклонение) появляется у него из нежелания уступать то место/положение, которое, как ему кажется, занимает по праву. И возникает оно как ответная реакция на восстановление Всевышним необходимой иерархии.

Когда Создатель заявил о Себе и указал Люциферу на его отличие – это было воспринято им как оскорбительное и несправедливое к себе отношение, и вызвало у него обиду на обеднение и унижение. Но именно испытываемая Люцифером обида и свидетельствует против него, потому что если учесть, что Бог характеризуется как *неубывающее богатство* (одно из имен Аллаха – *Аль-Кабир* (Великий) - *Тот, Которого никто и ничто не может ослабить*), то чем существеннее Люцифер чувствует утрату и обеднение, чем сильнее испытывает обиду, тем более сам себя уличает, что он *не-Бог*.*

О том, что Люцифер стал видеть себя неправо утратившим свое положение упоминается во многих апокрифических сочинениях. В них утверждается, что Люцифер стал противником Бога, отказавшись поклониться человеку, посчитав это ниже своего достоинства. Придерживаясь подобного взгляда, голландский поэт и драматург 17-ого века Йост ван ден Вондел в трагедии «Люцифер» вкладывает в его уста следующие слова, выражающие разочарование, растерянность и недоумение: «*Так значит всё-таки ничтожный червь земли [Адам] Первоначальнику Небес владыкой станет?*», «*Когда ж Адама Он вознесёт всех выше хочет, Первоначальный план тем самым изменя, затмив не только вас, но также и меня*». Из изложения явствует, что «люциферисты» поначалу не настроены были становиться на путь богоборчества: «*Мы разрешить сей спор хотели в диалоге*». Не случайно же люциферисты произносят: «*Равно клянемся вам, Господь и Люцифер*», подтверждая тем самым их общее равенство (5). Но диалога не получилось и увещаниям посланника Божия не прислушались - «*Покорствуй, Люцифер, приемли волю*

* Слово Бог в индоевропейских языках означает «податель благ, господин»; корень этого слова виден в словах «богатство». Воспринимающий себя лишенным богатства – это «убогий», а этимологические словари выводят значение слова «убогий» на определения «небог», «калека» и т.п.

Божью. Род чествуя людской, ... Адаму пребывай бестрепетным слугой». Примечательно, что Ван ден Вондел приписывает Люциферу не невесть откуда-то взявшуюся у него гордость, а расхождение с его первоначальной оценкой своего статуса – *«против воли я к сей роли принужден»*, *«Нам по нужде пришлось облечься в сталь кирас: Столь незначителен был спор сперва меж нас!»* (5).

Так или иначе, но в описанной ситуации можно видеть не что иное как *Божественное недоразумение* - высшее творение (*печать совершенства*) Бога не смогло разобраться в своем происхождении, кем является в действительности*, каков его истинный статус и какими должны быть его отношения с Богом. По мнению В.Несмелова, грехопадение не было актом злой воли, а заблуждением, которое извратило богоустановленный порядок бытия, однако *«вместо того, чтобы сознаться в своем заблуждении и тем показать, что он лишь невольно ошибся, по ограниченности своего несовершенного ума»* Люцифер исполнился непримиримой ненавистью к Богу (17, 230).

Появившись в мире, Люцифер свое существование и свое положение воспринял как должное и естественное, подобно тому, как любой человек не в состоянии допустить, что он мог бы вообще остаться не рожденным и не появиться в мире, и потому не испытывал благодарности к своему Создателю. Распоряжаясь Божьей милостью создавшей его, но без благоговения, грех неблагодарности стал преследовать Люцифера, напоминая о равенстве/неравенстве полученного дара. Эта ослепленность своим первоначальным великолепным подобием не дала ему сил смириться, а продолжающееся упорствование давало ощущение собственной силы. А далее в источник вдохновения к противостоянию превратилась сама борьба, вне зависимости от причины к ней побудившей. Теперь уже уязвленное самолюбие (гордость) заставило его игнорировать природу своего происхождения, и видеть в Боге своего соперника.

Видимо, когда свобода попыталась существовать иначе, чем его Создатель - *«Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония... От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою»* (Иез. 28, 12-18)... *«...и не устоял в истине, ибо нет в нём истины»* (Иоан.8:44), тогда же Люцифер вступил на путь «богоборчества». В существование по

* Кажется, что это обстоятельство дало основание некоторым философам (преимущественно, экзистенциалистам) считать появление человека ошибкой, абсурдом. Но как считал православный священник Серафим Роуз: «Абсурд — это всего лишь фаза современной прометеевской программы, когда появились колебания, сомнения и легкий привкус неминуемого дьявольского хаоса».

законам любви и красоты, вторглась идея соперничества и исказила его первоначальную природу, что не позволило ему оставаться в прежнем статусе, в каком был задуман Создателем*.

Цель сатанинского самозванства, которого именуют «обезьяной Бога» - быть не только первым среди ангелов, но занять место Создателя. Тогда же он стал превращаться в противника Бога – в Сатану. Не разобравшись кто из двойников Создатель, а кто Его творение, не пожелав или не найдя в себе сил участвовать в сотворчестве с Богом, Люцифер стал деградировать. Дьявольская психология вся оказывается проникнута и охвачена страстью гнева и мести за поражение своих претензий. Вслед за ними в мир пришли другие грехи и беззакония. Книга Откровения говорит, что конец ему положит Сам Всевышний. Однако до завершения этой мистерии Сатана будет действовать как однажды заведенная машина.

Созданный по Его образу и подобию Сатана тоже испытывает призвание к творчеству, и потому неспособность «быть как боги» не устранила инерционности первоначального импульса. Тайна творчества – это тайна превращения *из ничего во что-то* – чудо рождения жизни. Но есть и тайна смерти – *превращения что-то в ничто*. Он испытывает свою несовместимость с миром Божиим – с миром красоты, которая охраняет мир от безобразности. Его основное самочувствие – отвращение и аллергия к Божиим замыслам. Красота Божьих созданий сковывает его свободу действовать иначе, поэтому творческая инерция Люцифера именно в деструктивности, в разрушении и уродствах находит специфическое наслаждение - он испытывает острое желание унижить и осквернить прекрасные создания именно потому, что к ним может быть отнесена оценка «это хорошо». Религиозный философ Б.П.Вышеславцев характеризовал *нормальное творчество* как «удавшийся каприз или невроз» (6; 100, 198). В духе этого определения все существование дьявола – это *неудавшийся невроз*, и проходит под знаком агонии безумия злого ничтожества и приводит к иступленным попыткам «высечь» из своей негативной активности хоть какой-то смысл и подобие утраченного свечения.

Очевидно, что тема о возможном создании Господом собственного подобия тесно связана с проблемой Всемогущества и Всеведения Бога - насколько совместимы эти

* Известно выражение «Господи, дай мне душевный покой и смирение, чтобы принять то, что я не могу изменить, дай мужество изменить то, что могу, и мудрость, чтобы отличить одно от другого» - на верхней ступени иерархии этого не случилось, не было дано. Люцифер не проявил ни смирения, ни мудрости, и далее закономерно развивается история ничтожности творчества без Бога и осознание собственной бесплодности (22).

категории. В рамках очерченного человеческими возможностями понимания, можно задаться вопросом, на который невозможно дать уверенного ответа: обладает ли Всевышний (бесконечный во всех называемых и не называемых Его атрибутах) **всеведением Самого Себя**? Видимо, можно утверждать, что *Сущее равно себе самому*, однако, что означает для Бога *равен себе самому* навсегда останется для нас тайной. Но не является ли это тайной для самого Бога? Ведь в той теогонии, каковой она предстает в священных текстах, и как было показано выше, кажется, что многое отклонилось от заранее намеченного плана. Соответственно этот вопрос может быть перенесен и на Его создания, наделенных свободой воли, относительно предвидения их судьбы.

Известно, что принятое в христианской теологии различение понятий *предопределения* и провидения, что привело к вероучительным спорам о Всеведении Бога, не приблизило к ответу на вопрос: касается ли Всеведение Бесконечности. Трудность догмата о Всеведении Бога связана с тем, что поведение некоторых Его творений, обладающих свободой воли, кажется, не всегда могло быть Им предвидено, о чем недвусмысленно сообщается в библейском повествовании: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем» (Быт. 6, 6) - т.е. когда это касается существ, созданных по Его образу и подобию. Комментаторы Торы истолковывают это место (и специально слово *раскаялся* - что именно оно означает на иврите) следующим образом: «И решил Господь на иное и утешал Себя Господь, что создал (или: и решил Господь на иное). Утешением было то, что Он создал (человека) среди низших (на земле); будь он из высших, подстрекал бы и их к бунту [*Берешит раба 26*] (*Раши*); т.е. утешал Себя, тем, что создал человека из праха, поскольку опасался повторения непредвиденных последствий, уже случившихся ранее с Силами более могущественными, чем человек. «И восскорбел в сердце Своем» (Быт. 6, 6) – толкователь поясняет «...И сожалел - Тора дает почувствовать любовь Творца к Своему творению. Всевышний как бы разочарован в том, что получилось, и глубинная причина такого разочарования лежит в свободе выбора, дарованной человеку (*Сончино*).

Очевидно, что рядом с модельным допущением о предельном выражении творческой силы Бога, что в последствии привело к противоборству с Люцифером, граничит *парадокс всемогущества*, который обычно иллюстрируется примером: «Может ли Всемогущий бог создать камень, который сам не сможет поднять?»*. В этом парадоксе при любом ответе Бог оказывается не всемогущим - если сможет поднять, значит, его всемогущество утратило силу,

* Существуют различные вариации задачи о «камне», например, о возможности создания всепробивающего копья и несокрушимого щита.

а если не сможет, то он не всемогущ. Несмотря на кажущуюся наивность этого примера, он довольно ясно очерчивает проблему о границах всемогущества. В данном примере Всемогущему как бы предлагается альтернатива - лишиться Себя всемогущества, или сохранить его, не выполнив требований задачи, и тем самым подтвердить ограниченность Своего Всемогущества. Поэтому Августин Блаженный в «Граде Божьем» утверждает, что из-за того, что Бога называют всемогущим, потому что он может делать все, что желает, вовсе не значит, что он может пострадать от себя; потому что если бы это случилось с Ним, Он ни в коем случае не был бы всемогущим. Поэтому, Он не может сделать некоторых вещей по самой причине, что Он является всемогущим»; «Для Него это невозможно до такой степени, что власть Его скорее уменьшилась бы во всех отношениях, если бы это было для Него возможно» (1).

Другими словами, из парадокса следует, что если одному и тому же понятию пытаются приписать противоположные значения, то для его решения приходится или жертвовать строгостью первоначальных условий задачи, или признать невозможность ее решения – отказаться от догмата об абсолютности всемогущества Создателя. В общем виде этот «парадокс» напоминает апорию Зенона о движущейся стреле, находящейся в каждый момент времени в определенном месте, а значит, пребывающей в покое. Тогда каким же образом возможно движение?*

«Парадокс всемогущества» (с его более или менее удовлетворительными вариантами решения), сразу утрачивает вульгарную противоречивость и приобретает особую остроту,

* Видимо поэтому, несмотря на многочисленные попытки решить этот парадокс на путях формальной логики, многие философы и логики пришли к выводу, что Зенон вскрыл противоречия, в которые впадает мышление при попытке постигнуть бесконечное в понятиях, и что наши представления о реальности могут быть неадекватными. Выдающийся математик современности М.Клайн в своих комментариях по поводу апорий Зенона пишет: «Важно отчетливо сознавать, что природа и математическое описание природы — не одно и то же, причем различие обусловлено не только тем, что математика представляет собой идеализацию... Природа, возможно, отличается несравненно большей сложностью, или структура ее не обладает особой правильностью» (11; 401-402).

После заключения о том, что природа не обладает удобной для разума правильностью, не кажется нелогичным положиться на очевидное и признать - поскольку в действительности стрела все-таки летит, значит, движение есть – значит, есть Бог Всемогущий. Еще Аристотель использовал своеобразный способ доказательства существования Бога, при котором возможность чего-либо бесконечного отрицалась, а необходимость в этом вызывала необходимость в Боге.

Характеристике природы, отличающейся несравненной сложностью, о которой говорил М.Клайн, с некоторыми поправками созвучно высказывание теолога и математика 15-ого века: «Гордые, самонадеянные, мудрецы в собственных глазах, полагавшиеся на свой разум, в надменной заносчивости считавшие себя равными Всевышнему, замахнувшиеся на божественное познание, - все они заблудились, потому что преградили себе путь к премудрости, решив, что в ней нет ничего неизмеримого их умом, обессилели в своем суемудрии, привязались к дереву познания, не поняв древа жизни» (Николай Кузанский) (14).

когда референтом «камню» с указанными свойствами принимается свобода воли человека. В переформулированном виде парадокс предстает следующим образом: *Распространяется ли Всеведение Бога (и до каких пределов) на существо, сотворенное им свободным? Если да, то это существо не имеет свободы - оно таково, каким было помыслено Провидением. Если нет, то оно свободно и его судьба недоступна Всеведению.* Другими словами, не ограничивает ли Бог Свое Всеведение, создавая свободное существо?

Если изложенные соображения верны по отношению к человеку, то, возможно, они в определенной мере справедливы и по отношению к такой большой «вещи в себе» как Бог. «Итак, я утверждаю, что человек сотворен свободным, а не хочу (назвать) его рабствующим; это, по моему мнению, есть самое лучшее, что даровано ему от Бога. Ибо все прочие (твари) по необходимости повинуются Божественному повелению, и ни которая из них не может делать чего-нибудь другого, кроме того, для чего она сотворена; посему мы и не восхваляем их, повинующихся Господу таким образом» (Мефодий Патарский). Далее следует уточнение: «Я утверждаю, что человек сотворен самовластным, не так, как будто бы наперед существовало какое-то зло, которое избирать человек получил власть, если захочет, но (получил) только одну способность, служащую причиной послушания Богу или непослушания. Ибо в этом состояла свобода воли» (13). Однако можно заметить, что психологическая трудность свободного выбора, совпадающего с заведомо предпочитаемым и одобряемым поведением, заключается в том, что, если человек выражает несогласие (отделение, автономность) с чем-либо, то он имеет бесспорные доказательства своей свободы, в том числе внешние. Если же он согласен с кем-либо, то его свобода может быть поставлена под сомнение, поскольку «согласие» могло быть лишь уступкой соблазну или угрозе*.

Непротиворечивое объяснение возникает, если *всеведение* и *бесконечность* рассматривать как непересекающиеся категории (сферы потенциального и актуального выбора), т.е. принять, что Господь знает все возможные пути свободного существа, и, не предопределяя их, записывает любой из выбранных человеком в *Книгу жизни* (в которой

* Представляется, что одним из внешних подтверждений того, что человек действительно сделал свободный выбор в пользу одобряемого и рекомендуемого является его собственный, особенный, личный творческий вклад в жизнь, поскольку, если бы это «согласие» было не искренним или по принуждению, человек вряд ли смог бы проявить свою творческую сущность. В этом смысл замечательной сентенции: *Жизнь – это дар Бога человеку, и если он проживет ее в соответствии с благими Божьими заповедями, развивающими его собственные способности и таланты – это ответный дар человека Богу.* В случае с Люцифером обида подтолкнула его пойти по более легкому пути – нетворческому, «отрицательному» для доказательства своей свободы

последнего времени; многие прочитают ее, и умножится ведение» (Дан.12;4). Отрывок этот - продолжение пророчества: «но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге» (Дан.12,1). Фрагмент может быть прочитан двояко: 1) как предопределение и предначертанность – «найжены будут [от века] записанными» или 2) «найжены будут [по итогам жизни человека] записанными». Второй вариант толкования близок мнению Августина Блаженного, который согласовывал идею Божественного предвидения со свободной волей сотворенных Им существ, отмечая, что недетерминирующее знание о будущем какой-либо вещи не делает ее необходимой. Всеведение в таком случае приобретает характер знания спектра о возможностях человека - всей сети или структуры его мира; различные рельефы квазипространства могут затруднять человеку движение в определенных направлениях, но любые возможные маршруты его движения могут быть заранее определены и известны Создателю.

Но любое знание о чем-либо само по себе не предопределяет исход действий, поскольку человек волен придавать им любое значение – он избирательно оперирует не арифметическими, а так сказать алгебраическими смысловыми величинами, значение которых им может произвольно увеличиваться или уменьшаться в зависимости от их понимания, оценки прошлого, перспектив на будущее, возникающих ассоциаций и связанных с ними побуждений и пр. Находясь «внутри» своей жизни, человек сохраняет свободу принятия решений на каждом шагу во всех мыслимых направлениях, но перед лицом неизвестности, чувствуя нехватку знаний, часто действует наудачу. Если Бог хочет сохранить Свое творение, Он не может нарушить его свободу принятия решений. Когда Бог творит нечто детерминистичное, то может предвидеть пути его развития до бесконечности, но когда имеет дело со свободой воли, то она может становиться неуправляемой, неподвластной «каузе» ее породившей, и только потому она жива. Свобода сама становится детерминантой особенности и уникальности своей судьбы.

Николай Кузанский утверждал тотальное и абсолютное Всеведение и Всемогущество Бога: «Хотя Бог мог предусмотреть в своем Провидении многое, чего не предусмотрел и не предусмотрит, а также предусмотрел многое, чего мог не предусматривать, однако ничего ни добавить к Божественному Провидению, ни убавить от него нельзя» (13. Гл. 22). Но такой подход, при котором «многое, чего не предусмотрел и не предусмотрит», пожалуй, больше соответствует всеведению о вариантах возможностей, но не конкретного выбора свободной воли в «границах» бесконечного перечня этих возможностей. Свободная личность всякий раз творит себя как ей неведомое, иное не имело бы смысла творчества, как и смысла свободы

ее поддерживающей*. Не случайно бытует мнение, что человек – единственное существо, для которого собственное существование является проблемой. Философское определение российского психолога В.П.Зинченко, что «Человек никогда не равен самому себе» (9; 23-50), перекликающееся с высказыванием Гераклита – «Психее присущ самовозрастающий Логос», выражает эту принципиальную неопределенность путей человеческого развития.

Очевидно, что степень неопределенности «всеведения» неизмеримо возрастает в отношении к Самому Творцу и Создателю всего сущего. Поэтому высказанное выше «незаконнорожденное умозаключение»** о том, что Люцифер возник в результате сотворения Всемогущим собственного подобия, тем более допускает включение элементов неопределенности и непредсказуемости в судьбу созданного Им «самого себя». Можно предположить, что сопутствующей тому причиной было то, что все создаваемое Господом получало превосходную оценку - «И увидел Бог, что это хорошо», и потому неожиданностью стало для Него то, что самое совершенное Его создание предпочло иной путь, чем тот который предполагался Создателем, уклонилось в доминанту ничем не ограничиваемой свободы, что в полной мере соответствует Его Первообразу. Об этом и свидетельствуют приведенные ранее библейские цитаты о «разочаровании» Господом» в некоторых своих творениях, наделенных свободой воли***.

О вероятности непредвиденных последствий результатов Творения, один из эпизодов которого действительно можно назвать как *Божественное недоразумение*, может, по-видимому, косвенно свидетельствовать позиция некоторых Отцов Церкви (Климент Александрийский, Ориген и др.), сформировавших учение о всеобщем спасении, допускающего конечность адских мук, прощение падших ангелов и даже покаяние Люцифера/Сатаны. Разумеется, это, прежде всего, выявляет свойства Создателя как Всемиловитейшего и Всепрощающего по отношению к согрешившим, но в этой предполагаемой Божьей благодати чудится также призыв принимаемой Господом дополнительной ответственности за судьбу созданного мира.

Разумеется, высказанные соображения носят сугубо антропоморфный характер, в которых надмирным существам приписываются человеческие чувства, поэтому в какой мере

* Поскольку трудно верить в то, что само нуждается в вере, интуитивно кажется, что всеведение прерывает и прекращает бесконечность, так же как бесконечность исключает всеведение.

** Так Платон характеризовал *воображение* - как нечто среднее между умопостигаемым и чувственным.

*** Комментатор Торы такими словами определяет оценку созданного: «Тот, кто разрушает дело собственных рук, фактически раскаивается в том, что он создал это» (Сончино. Ибн Эзра).

они соответствуют истине - одному Богу известно. Известное выражение - *законы, писанные Богом для людей, не являются законами для Самого Бога* - предупреждает об опасности и ошибочности перенесения закономерностей, действующих в тварном мире, на события, происходящие в высших сферах. Поэтому закончить эссе хочется словами Тимея в диалоге Платона: «А потому не удивляйся, Сократ, если мы, рассматривая во многих отношениях много вещей таких, как боги и рождение Вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего». (15; 29, d, с.. 470). Надеюсь, что предложенная модель происхождения Сатаны также оказалась достаточно правдоподобной.

Литература:

1. Августин Блаженный. О граде Божиим. Кн.5. Гл. 10.
http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o_grade=15.
2. Беме Якоб. Aurora или Утренняя заря в восхождении. М.: Гуманус. 1990.
4. Василий Великий. Творения иже во святых Отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийской. Часть IV. М., 1993.
5. Вондел Йост ван ден. Люцифер. <http://kupol-preispodnei.narod.ru/biblio/lucifer.html>
6. Вышеславцев Б.П.. Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994.
7. Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Милан-Москва. Христианская Россия. 1992.
8. Дионисий Ареопагит О Божественных именах. – Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя. (Византийская библиотека. Источники). 2002. Гл.13.
9. Зинченко В.П.. Человек в пространстве времен. – Развитие личности. 2002, № 3.
10. См. Игнатенко А.А. «Зеркало ислама». М.: Русский институт, 2004.
11. Клайн М. Математика. Утрата определенности. М.: Мир, 1984.
12. Кузанский Николай. Об ученом незнании. Гл. 24 «Об имени Бога и утвердительной теологии». Гл. 24. http://krotov.info/libr_min/n/kuz/anez_1_049.htm.
13. Кузанский Николай. Об ученом незнании. Гл. 22. «О том что Божественное Провидение соединяет противоположности». http://krotov.info/libr_min/n/kuz/anez_1_049.htm).
14. Кузанский Николай. «Об искании Бога http://krotov.info/libr_min/n/kuz/anez_1_281.htm).
15. Лопухин А.П. Толковая библия. Бытие Гл. 1, 26.
<http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/tolkovanie/lopuhin/LOP/GEN/gen1.htm>
16. Мефодий Патарский. О свободе воли (против Валентиниан).
<http://mystudies.narod.ru/library/m/methodius/advalent.htm>
17. Несмелов В. Наука о человеке. В 2 томах. Том второй – «Метафизика жизни и христианское откровение». СПб. 2000 (Казань, 1898).
18. Петрици И., Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадоха. М.: Мысль, 1984.

19. Платон Соч. в 3-томах. Т.3 Часть 1. М.: Мысль, 1971.
20. Сарاماго Жозе. Евангелие от Иисуса. http://lib.ru/HRISTIAN/saramago.txt_Piece40.17
21. Тюрин П.Т. Конфликты как нарушение иерархии взаимоотношений. - Тезисы докладов Международной конференции «Теория, методология и практика научного и технического творчества». Одесса, 1993.
22. Тюрин П.Т. Агрессивность и ее иррациональные эксцессы – «Вестник МГПУ» серия «Педагогика и психология», 2009, №3 (9).
23. Юнг К.-Г. Сознание и бессознательное. М.: Академический проект. 2009.
24. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том 3. «От Магомета до реформации». http://lib100.com/book/other/istoriya_veri_3/eliade-hist_b-3l.pdf.
25. Элиаде М. Мефистофель и андрогин, или мистерия целостности. [http://lib100.com/book/religion/mefistofel_i_androgin ed.doc](http://lib100.com/book/religion/mefistofel_i_androgin_ed.doc)
26. Graves K. The Biography of Satan or, a historical Exposition of the Devil and his fiery Dominions. 4 Edition. NY. Peter Eckler Publishing Co., 1924
27. Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. 1. Rīga: Avots, 1992.

* * *

Мистическая эрекция зла

(опыт психологической реконструкции дьявольской психологии)

Убийство даже незнакомых людей оставляет гнетущее впечатление. Но особенно психику человека подавляют преднамеренные убийства «совершенные с особой жестокостью и цинизмом». Они ошеломляют своей непонятной бессмысленностью и зверством по отношению к жертве. Человеческий разум отказывается верить в реальность случившегося и пытается защититься, объявив преступника сумасшедшим, но без понимания причин этих явлений любые поучения и наставления остаются мертвым грузом. Однако, увы, слишком часто судебно-психиатрическая и психологическая экспертиза вынуждена констатировать, что преступник психически здоров, во время совершения преступления находился во вменяемом состоянии и может нести полную ответственность за свое преступление. К сожалению, имеющиеся на сегодняшний день психологические тесты не обнаруживают у многих так называемых «немотивированных преступников» существенных психических отклонений от нормы. Это наводит на мысль, о том, что у лиц совершающих ужасающие преступления имеются отклонения не на уровне души-психики, а в духовной сфере, и потому они не поддаются выявлению психодиагностическими методами. Ни одна из имеющихся на сегодняшний день психологических концепций не в состоянии дать рациональное объяснение всему спектру проявлений человеческой агрессивности, и они оказываются совершенно

беспомощными в объяснении «безмотивных» преступлений. Когда говорят о так называемых «немотивированных» преступлениях, то подразумевают, что для их совершения у преступника не было никаких внешних причин. Но, несомненно, какая-то причина была, если не внешняя, значит внутренняя – злое начало, собственное стремление человека ко злу. Но зачем оно ему, как сформировалось, какие внутренние проблемы человека решает?

Пытаясь понять причину агрессивности, склонность ко злу разные ученые усматривают его:

- **в изначальной дефектности природы человека** – в «дурной человеческой наследственности», выработке организмом агрессивной энергии. Животные кроме инстинкта борьбы наделены также способностью подавлять свои агрессивные стремления, причем эта способность пропорциональна возможности наносить серьезные повреждения своим жертвам. Однако у человека как биологически более слабого существа запреты на агрессию сформировались недостаточно, поэтому изобретение оружия резко нарушило баланс между силой запретов и возможностью убивать друг друга (7).

Накапливаемая агрессивность требует прямого выхода, либо замещения ее каким-то иным способом – любым неравновесным состоянием, перепадами психического напряжения - в музыке, танцах, спорте, деловой конкуренции, провоцировании ссор, в скандалах, в просмотре фильмов с демонстрацией насилия и преследования, казней и катастроф... иногда даже в болезнях;

- **Истоки повышенной агрессивности человека связывали** также с аномальным набором хромосом - увеличением числа «мужских» половых хромосом, с **«усилением мужественности»** (6). Действительно, специальные исследования показали, что в тюрьмах Англии и Шотландии у преступников, осужденных за особо тяжкие преступления, чаще встречаются хромосомные аномалии 47 ХУУ (в отличие от нормального 46 ХУ). Несколько лет назад американские генетики заявили, что в крови серийных убийц ими обнаружен «ген убийства» (12, 13);

- **агрессия есть реакция на возникшее перед человеком препятствие** (4), иногда в формах злости и негодования на переживание собственной «непредусмотрительности», «глупого положения». Нередко это гнев на себя самого, но желание освободиться от самообвинений легко проецируется на внешнюю сторону препятствия. Однако устранение барьера часто не понижает агрессии, т.к. необходимость подавления возникшего побуждения или неожиданное прерывание его также является «фрустрацией» (помехой), еще более усиливающей уже сформировавшуюся агрессивную устремленность. Агрессивность

ослабевает при нанесении ответного ущерба, но безуспешность таких действий снова стимулирует желание видеть источник фрустрации уничтоженным;

- **агрессивность как привлекательная поведенческая модель**, демонстрирующая поощряемые обществом образцы поведения, являющиеся доказательством окружающим своей смелости, надежности, лидерских качеств (2);

- **агрессивность как допускаемая, хотя и крайняя форма обретения того, что человек посчитал для себя необходимым**, когда исчерпаны другие более мягкие пути. Принуждение может быть приемлемым средством достижения цели, если убеждение оказывается не эффективным. Если допустимым пределом признано насилие, то человек неизбежно будет стремиться к нему при любом подходящем случае. В последствии человек подбирает более или менее рациональные объяснения и оправдания, утверждая, что «ситуация была исключительной» и потому требовала применения радикальных мер (10);

- **агрессия как инициативный акт личности, восстанавливающий гармонию мира**. Это ответная реакция человека на вызовы окружающей среды - наказание, возмездие, отмщение, т.е. как акт справедливости, утверждение равенства и безусловной ценности себя самого (11);

- по мнению психоаналитиков агрессия изначально связана с инстинктом **смерти и носит характер самоагрессии**. Однако в результате борьбы этого инстинкта с инстинктом жизни исходная агрессивность меняет свое направление и проявляется вовне в деструктивных формах - уничтожении всего живого, жестокости, садизме, некрофилии - «злокачественная агрессивность» (9);

- В эпоху Просвещения преобладало мнение, что **зло рождается из человеческой ограниченности, его неспособности предвидеть последствия своих действий** – «Господи! Прости им ибо не ведают что творят» (Лук. 23, 34). Ярким примером, является легендарная история: «O, sancta simplicitas». «O, святая простота» – восклицание, приписываемое Яну Гусу, увидевшему, что какая-то старушка подбрасывает хворост в костер, на котором его сжигала инквизиция, осудившая Гуса за религиозное вольнодумство. Некоторые богословы относят невежество к одному из основных грехов человека.

Эпоха Просвещения возлагала большие надежды на то, что увеличение знания в обществе, просветительство, развитие интеллекта человека сможет побороть агрессивность и существование зла. Однако развитие цивилизации не подтверждает, что реальное соотношение добра и зла в мире уменьшается. Скорее, иначе. Познавательная способность человека подключалась на совершенствование механизмов агрессии и не отвлекала от злых

дел. Вместе с тем, отсутствие положительной корреляции между знанием и стремлением к добру, возможно, и не доказывает нейтральности для человека увеличения его суммы знаний о мире. Ведь один из главных призывов христианства прямо говорит: «Познайте Истину и Истина сделает вас свободными!» Но теми, для кого более актуальным является принцип «Хлеба и зрелищ!» новое знание обращается в поиск новых способов погони за добычей и остротой наслаждений. Количество людей стремящихся к знаниям, пониманию смысла существования всегда было невелико и, наверное, эта величина константная.

Другие видят **истоки зла в социальной несправедливости, приводящей к тяжелым условиям жизни.** Они как «фрустрирующие факторы» порождают зависть и ненависть, а затем возмущение, протест и насилие. Недостаточность этой теории обнаруживается уже в том, что зло находит себе питательные условия среди людей совсем не обремененных материальными проблемами.

В христианстве многие находили истоки и оправдание социалистических идей о совершенном обществе. Но, как оказалось, идеальное на Небе – часто утопично на земле и приводит к массовому террору, когда его во всей чистоте пытаются во что бы то ни стало навязать реальности (5, 3).

Упомянутые теории достаточно удовлетворительно объясняют многие виды преступлений. Вместе с тем, приходится признать, что зло извортливо и неодолимо человеческими усилиями. Оно как бесконечно малая величина: меньше любого рационального числа (объяснения) - ни одна из выше перечисленных теорий не в состоянии объяснить-локализовать существование зла до такой степени, чтобы ему «поставить» окончательный диагноз и указать способы избавления от него. Но все-таки зло больше нуля – *оно реально существует*, хотя и как неуловимая и неопикуемая величина. Во всех предлагаемых теориях остается необъясненный остаток (8).

Действительно злые действия - это поведение, «направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу, *имеющему все основания избегать подобного обращения с собой*» (Р.Бэрон, Р.Ричардсон). Зло может провоцироваться, вызываться к жизни, но если его долго «не зовут», оно само приходит. Когда говорят о так называемых «немотивированных» преступлениях, то подразумевают, что для их совершения у преступника не было никаких внешних причин. Но несомненно, какая-то причина была. Если не внешняя, значит внутренняя – злое начало, собственное стремление человека ко злу. Но зачем ему оно, как сформировалось, какие внутренние проблемы человека решает? Изучая такие преступления, приходишь к убеждению, что целью преступника было не просто

устранение человека как мешающего ему препятствия, но им преследовалась некая сверхзадача. Такому убийце недостаточно лишить человека жизни, его задача уничтожить душу. Убить человека окончательно он может, если надругается над ним как над живым существом. Он должен растоптать его - стереть с лица земли, буквально, чтобы *духа его не было*.

Конечно, есть определенный парадокс в том, что у нас **нет ничего более рационального, чем обратиться иррациональному объяснению происхождения зла в мире**. Похоже, что его основная инстанция («родина зла»), «родимые пятна зла» человека имеют неземное происхождение, и прежде всего, это касается «безпричинных» преступлений.

В христианской религии признается существование злых сил, которые находятся в непримиримой борьбе с силами добра. Суть зла в разрыве с Богом. Библия говорит, что Бог создал человека по образу и подобию Своему, и сотворил его как свободное существо. Не случайно, богословы рассматривают тайну зла и тайну свободы человека как взаимосвязанные категории, поскольку, выбирая между Богом, как источником добра и правды, и злом как отвращением от любви и истины, человек осуществляет дарованную Творцом свободу.

Человеческий разум останавливается перед *тайной возникновения зла внутри творения Всеблагого Создателя*. Пророки такими словами описывают надменность первого херувима:

«Как упал ты с неба, денница, сын зари!... А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера. Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен в ад, глубины преисподней» (Ис. 14, 12-15);

Библия не уточняет причину возникновения гордыни и зависти, сообщается только, что эти чувства каким-то образом появились, и вслед за ними в мир пришли другие грехи и беззакония. Возможно, собственное величие и красота ослепила Денницу. Потеряв доступ к Небу, дьявол обращается к безгрешным еще людям и совращает их соблазном «Быть как боги» - поэтому сатана именуется «отцом лжи» и «человекоубийцей от начала». Беззакония свои он совершает посредством и руками человека.

Бог сотворил мир из ничего, поэтому, как говорит Н.Бердяев, тайна творчества и есть тайна свободы. Созданный по Его образу и подобию, человек испытывает призвание к творчеству. Но не он сам виновник своего дара. Человек получил его от Бога и потому

чувствует себя орудием Божьего дела в мире, и нет ничего более смешного и жалкого, как гордится своим гением – ведь сам от себя «не мог бы творить нечего» (Иоан. 9, 33). Но забыв об этом, его творческое стремление становится бесплодной страстью, которая вместе с гордостью и завистью действительно терзают душу.

Цель сатанинского самозванства - быть не только первым среди ангелов, но занять место Создателя. А дальше закономерно развивается история поражения творчества без Бога – осознание собственной бесплодности.

*«Для меня Бог – это черт, который запутал людей. Я Бога на три буквы посылаю»**

Известно одно из определений стыда, что *это гнев, обращенный вовнутрь*. Чтобы избавиться от чувства стыда за совершенный грех – есть два пути: покаяние и самоуничтожение. Психологически стыд – это уязвленность и *отраженная гордость*, указание на утрату подобия, т.е. собственное неподобие. Способность к раскаянию подразумевает смирение, признание подчинения Высшему. Но ведь у Денницы с этого ведь все и началось. У него нет смирения, и возможно, это уже неустранимо.

«Кается тот, кто не знает, что он делает»

Поэтому логическим завершением истории Дьявола было бы его самоубийство от *бессилия жить по-своему*.

«Я уже давно мертвый, я себя похоронил»

Но книга Откровения говорит, что конец ему положит Сам Всевышний. Однако, до конца этой мистерии Сатана будет действовать как однажды заведенная машина – ведь он доподлинно знает свое сущностное неподобие Богу и все-таки сопротивляется Ему. Не случайно выражение: «И бесы веруют».

«Я себя чувствую чем-то между человеком и роботом. В то же время чувствую себя каким-то экспериментатором над собой, над людьми. Как свою жизнь я прожил я очень доволен потому, что многое видел, многое понял, потому что очень много сделал работы, которая должна выполняться роботами»

Но поврежденность завистью обернула эту инерционность в обратное движение – в иррациональное противоборство. Оно иррационально потому, что инерционность, оторванная от положительной цели, образа – бессмысленна и без-образна.

* Здесь и далее цитаты из интервью с серийными убийцами.

Возможно, сатана тоже хотел создать мир из ничего, как и Бог начать сначала, с нуля. Но для этого ему надо уничтожить мир, отменить Бога, уничтожить Его творение, чтобы привести мир в состояние *ничто*. Создать что-либо, не совпадающее с Божьим делом, причем так, чтобы можно было сказать «это хорошо» («И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» Быт. 1, 31) сатана не в состоянии. По этой же причине он испытывает «необъяснимое», «беспричинное» отвращение ко всему священному, к красоте.

И он «понимает», что окружающие это видят. Он рассчитывает, что избавиться от этого унижения он сможет, только уничтожив свидетелей своего поражения или *соблазнив их*, превратив в таких же, как и он. Его творческая инерция, утратив способность к порождению нового, обуславливает возникновение чувства неполноценности и *эрекцию агрессивности к миру вообще*. В искажениях и надругательствах над красотой Божьих созданий он испытывает особое удовольствие, находя в своих действиях созвучие своей искаженной душе.

«Убить женщину, мертвой ее изнасиловать и кончить в ней! Да, я попробовал. Важно, чтобы человек психологически, духовно был к этому готов»

«Я нелюдь, черт. Можно сказать, в каждом человеке сидит черт. Мы все скоро начнем превращаться в чертей»

Другой, казалось бы, совсем приземленный пример. М.Горький дает в очерке «В.И.Ленин» вспоминает:

«Мне отвратительно памятен такой факт: в 19-ом году в Петербурге был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших северских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, - уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, исказить, осмеивать, порочить прекрасное... я знаю, что болезненным желанием изгадить прекрасное, злым стремлением портить вещи исключительной красоты страдают и некоторые группы интеллигенции».

Это описание, касающееся не самых жутких воплощений зла в человеке, а, в общем-то, бытовой сферы, определенно имеет тот же источник дьявольщины.

Не дающее покоя чувство несвободы и неполноценности приводит к отчаянию от собственного бессилия.

«Я не боюсь Бога, я с ним играю в прятки. Я играю роль дурачка – перед всеми, перед самим собой. Я себя теперь воспринимаю как маленький ребенок. Я сбросил с себя эту силу. В бессилии и есть эта особая сила»

Нередко преступники, совершая убийства, ощущают, что они теряют контроль над агрессивной инерционностью, которая увлекает их на все большее и большее погружение во зло. В эти моменты они испытывают нечто сродни вдохновению. Сам процесс убийства, мучений пыток становится имитацией служения высшей идее. Ими как бы овладевает некая потусторонняя сила, они одержимы особым сознанием и совершают действия, освященные особой миссией. Вместе с тем, они вполне отдают себе отчет, что делают и что чувствуют.

Они ощущают особое состояние обретения себя, восторг от узнавания, совпадения своих глубинных желаний, томления духа с тем, что они «создают-совершают». Узнают равенство своих потенциалов результату, их совпадению и убеждаются, в чем состоит предназначение их греха – почувствовать дыхание смерти, стать палачом, им нужно увидеть конвульсии души, уничтожение, исчезновение из бытия жизни.

«Мне было приятно чувствовать и знать, что причиняю муки и страдания невинным детям»

Отомстить Богу за собственное несовершенство, надругаться над самим собой – Его творением, а значит над Ним. В пределе – это самоубийство как аутодафе – *мистический акт о заявлении неверия в себя*, признание поражения и собственного бессилия без Бога. Все существование дьявола – это *неудавшийся невроз*, и проходит под знаком агонии безумия злого ничтожества. Он должен отомстить себе как жизни и миру в целом, остающимся без него.

«Меня проклинают миллионы людей. Я душевно от этого мучаюсь. Я проклял людей. Никто не разобрался во мне. Меня не интересует то, что интересует человека. Я вообще, можно сказать, или ушел в ад к сатане, или куда-нибудь, но не к Иисусу Христу»

Может быть и нет ничего удивительного в том, что самоотчеты «немотивированных» преступников указывают на поразительное совпадение и чуть ли не копируют эту «дьявольскую психологию». Но не следует думать, что такие убийцы нуждаются в специальном обосновании для совершения своих преступлений. Многие из них инстинктивно («стихийно») развивают в себе эту программу и реализуют ее. Некоторые

психологи считают, что ссылаясь на мистическую силу, серийные убийцы находят способ переложить вину, снять с себя ответственность. Это далеко не всегда так. Очень часто они именно хотят быть авторами своих преступлений, а упоминание о связи с сатаной – это либо попытка придать значительность своим преступным влечениям, либо действительное родство с ним.

«Черт не управляет мною против моей воли. Он, эта скотина в согласии был со мной. Он мне говорит: «Я тебя научу играть, но и буду играть с тобой»

Одержимость дьявольской психологией таких преступников – это болезнь не души, а ее сердцевины – духа. К сожалению, психологические тесты могут констатировать только душевные аномалии, но не духа. Поэтому они признаются вменяемыми. И это правильно. Маньяки ведают, что творят зло и сами хотят быть таковыми.

И последнее. Мы часто узнаем подлинную структуру и облик, так сказать, обычных преступлений только, а то и собственных недобрых чувств и мыслей, когда они совершаются в патологических формах. Не забудем же об их изначальном предназначении.

Литература:

1. Антонян Ю.М. Отрицание цивилизации. М.: Логос, 2003.
2. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1990.
4. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб., 1997.
5. Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М.: АН СССР, 1975
6. Геодакян В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. М., 1989. С. 171-189.
7. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс, 1994.
8. Тюрин П.Т. Природа агрессивности.// Научно-практический журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах». 2003, № 1.
9. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Фолио, 2010.
10. Хекхаузен Х. Агрессия. // Мотивация и деятельность. М., 1986, т. 1, с. 365-405.
11. Хьюсман Р., Хартфилд Дж. Фактор справедливости. М.: Знание, 1992
12. Casey M.D. XYY-chromosomes and antisocial behavior. – Lancet, 1966, vol.2, N 468, p.859-860.
13. Jacobs P. A. Aggressive behavior, mental sub-normality and XYY male – Nature, 1965, vol.208, N 5017, p. 1351-1352.

Тюрин Павел. Dr. Psych., ассоц. профессор Балтийского института психологии и менеджмента.
mob. 2961-38-68
e-mail: pavels.tjurins@e-teliamtc.lv